

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 316.324+316.42+346.546.6

С. А. Кизима

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МИФЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья ставит своей задачей выявление экономических мифов о глобализации, при помощи которых лидеры западного глобализационного проекта искусственно сдерживают успешное самостоятельное развитие незападных национальных государств и приобретают над ними геополитический контроль. По мнению автора, реализуемый западными странами глобализационный проект предусматривает внушение ряда не соответствующих реальному положению дел экономических мифов о глобализации руководителям и элитам незападных государств: 1) о ее неуправляемости; 2) необходимости радикального сокращения военно-промышленного комплекса (ВПК); 3) необходимости разукрупнения больших предприятий в силу их декларируемой неэффективности; 4) приоритете развития сферы услуг; 5) «всецело» рыночном регулировании процессов глобализации в западных странах, чему надлежит подражать и незападным странам.

Ключевые слова: глобализация, западный глобализационный проект, экономические мифы о глобализации.

Глобализация, несомненно, обладает рядом объективных характеристик, среди которых — «сжатие» мира, невиданное ранее широкое распространение культурных норм и образцов по всему земному шару, обострившаяся экономическая конкуренция и стремительное разрастание коммуникационных сетей. В то же время в последние десятилетия ее развитие управлялось идеологами и практиками западного глобализационного проекта, призванного обратить объективное течение процессов глобализации в пользу элит западных стран. Задача статьи — выявить экономические мифы о глобализации, распространяемые для успешной реализации западного глобализационного проекта и сдерживания развития незападных национальных государств.

Фактически суверенитет национального незападного государства является главным препятствием на пути реализации западного проекта глобализации. По словам заместителя директора ИСПИ РАН В. В. Локосова, для неолиберальной риторики

характерна «хорошо продуманная хаотизация устоявшихся норм и ценностей... принципа государственного суверенитета», согласно которой «если государство намерено вписаться в глобальный сценарий, надо проститься со своим суверенитетом или, пользуясь придуманным американскими социологами эвфемизмом, сделать себе “мягкий суверенитет”» [16, 26]. Этому противостоит «...явное нежелание людей быть управляемыми политиками и бюрократами с другой стороны мира, над которыми они не имеют демократического или иного контроля» [27, 199].

Как водится в гуманитарной науке, кто-то из ученых обосновывает позицию об ослаблении суверенитета государства в условиях глобализации, кто-то высказывается против, а главной задачей западных глобалистов остается поддерживать тех ученых, точка зрения которых совпадает с нужной для их целей, и широко ее рекламировать. Постоянно упоминается, что государство как главный актор международной деятельности уходит, следовательно, проблемы суверенитета и безопасности становятся вторичными в прекрасном новом глобальном мире с наднациональной архитектурой власти, а за все преобразования международной системы должны нести ответственность исключительно международные институты, которые будут защищать интересы всех.

Концепций, провозглашающих неизбежность ослабления национального государства перед лицом глобализации, множество. Рассмотрим лишь некоторые из них. Согласно профессору Городского университета Гонконга В. Гуйгио, «соглашения ВТО и другие международные соглашения привели, посредством использования принципа национального режима и других базовых требований, к наложению существенных ограничений на суверенитет, включая власть издавать законы и собирать налоги» [28, 477]. По мнению сотрудника Сибирского центра исследований глобализации Г. В. Рублева, сейчас «...происходит сокращение сферы суверенитета национальных государств за счет выведения из нее сферы вопросов финансово-экономической деятельности. Однако в правовой сфере также происходит “эрозия” суверенитета... Кроме того, ослабление национально-государственного фактора обусловлено формированием континентальных объединений (ЕС, НАФТА, КАФТА, АСЕАН и т. д.), проникновением на территорию государств транснациональных корпораций (ТНК) и банков (ТНБ), деятельностью СМИ и “неформального сектора” мирового сообщества, созданием новой информационной среды — “киберпространства”» [19, 27].

Профессор кафедры философии и политологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (Россия) А. В. Дахин считает, что в современных глобализационных процессах «налицо явное противоречие: с одной стороны, прогресс демократической модели предполагает расширение государственного участия в жизни стран современного мира. С другой стороны, действующая модель глобализации ведет к атрофии локальных экономик и, как следствие, к неспособности правительств регулировать хозяйственную деятельность страны, а с ней и все остальные процессы» [3]. Профессор университета Лидса З. Бауман полагает, что, «говоря словами Г. Х. фон Вригта... “национальное государство, видимо, подвергается эрозии, а может быть, и “отмирает”. Силы эрозии *транснациональны*» [5, 419–421]. Подобной точки зрения придерживается и профессор социологии Калифорнийского университета В. Робинсон, указывающий, что «глобализация вытесняет национальное государство как организационный принцип социальной жизни при капитализме». По его мнению, вместо интернациональной

стадии развития капитализма возникает «*транснациональная*, означающая экономические и связанные с ними социальные, политические и культурные процессы — включая формирование классов, — которые сменяют национальные государства» [31, 45–46].

В то же время доминирующие в подобных концепциях указания на обреченность национального государства и неизбежность утраты им суверенитета преждевременны. Надо просто задуматься — утратили ли какую-либо долю суверенитета США? Или, как мы наблюдаем в действительности, суверенитет Соединенных Штатов только укрепляется год от года, впитывая в себя полномочия, ранее принадлежавшие другим суверенным государствам, решившим «в духе времени» прибегнуть к «мягкому суверенитету». Утрачен ли суверенитет Китаем, активно интегрирующимся в глобальную экономику? Нет, он скорее усилился в силу многократно возросших ресурсов, оказавшихся в распоряжении коммунистического правительства КНР в качестве приза за умелое участие в глобализации. Китаем даже выдвигаются инициативы, которые ведут к появлению «китайского глобализационного проекта», способного оттеснить западный на задний план [8].

Могут сказать, что США и КНР являются империями, вышедшими за рамки функционирования стандартного национального государства. Но возьмем в качестве примера страны, которые в силу их размера никак не заподозришь в имперской эволюции. К примеру, Венесуэлу. Интегрирована ли Венесуэла в глобальную экономику? Несомненно. Получает ли преимущества от возросших цен на поставляемые на мировой рынок нефть и нефтепродукты? Бесспорно. Усилила ли свое геополитическое влияние? Даже предвзятый по отношению к курсу президента Уго Чавеса наблюдатель вынужден будет подтвердить, что многократно. Модель Венесуэлы стала привлекательной для многих латиноамериканских стран, а У. Чавес фактически стал неформальным лидером радикального крыла Движения неприсоединения. Но можно ли в отношении этой страны вести речь о «мягком суверенитете»? Однозначно нет. И Венесуэла не является уникальным случаем, похожие изменения мы наблюдаем во Вьетнаме, в Белоруссии, Иране, ряде других национальных государств.

В то же время лидеры каждого незападного национального государства должны помнить о том, что при реализации западного глобализационного проекта по задуманному сценарию мягкий суверенитет станет реальностью для всех незападных стран. Запад не склонен останавливаться в своих начинаниях по трансформации глобализации в свою пользу, не проявляя ни малейшей склонности к компромиссу с теми, кого считает аутсайдерами складывающейся глобальной системы. Так, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе М. Интрилигейтор указывал в 1998 г., что опасения по поводу того, что «...контроль над экономикой отдельных стран может перейти от суверенных правительств в другие руки, в том числе к наиболее сильным государствам, многонациональным или глобальным корпорациям и международным организациям», во многом могут быть преодолены «...на базе международного сотрудничества, например, путем четкого разграничения полномочий сторон, т. е. национальных правительств и их лидеров, с одной стороны, и международных организаций и многонациональных или глобальных корпораций — с другой» [11, 38–43].

Прошло девять лет, а о значимых шагах в области такого сотрудничества по-прежнему ничего не известно. Потому что оно не нужно странам Запада, предпо-

читающим держать незападный мир в ситуации неопределенности, и западным корпорациям, предпочитающим ловить рыбку в мутной воде. Не случайно даже к инициированному ООН «Глобальном договору» сочли возможным присоединиться лишь немногие из числа мировых транснациональных корпораций, хотя на деле он не предполагает никакого контроля за реальным исполнением обязательств, принятых на себя его участниками.

Еще одной тактикой западных глобалистов является поддержка существующей точки зрения, что процессы глобализации носят спонтанный, неуправляемый характер, следовательно, за «плохие» ее последствия претензий предъявлять некому, как невозможно предъявлять претензии разрушившему город урагану. Пример такой позиции можно найти у профессора Российской академии государственной службы при Президенте РФ В. В. Перской [18, 31].

На деле же происходящее ничего общего с объективностью и независимостью от воли людей не имеет, поскольку в действительности происходят процессы организации, произвола и недемократизма в исполнении Западного альянса, планомерно действующего по расширению сферы действия западного глобализационного проекта. Только страны, осознавшие увеличивающееся значение государства для противостояния вызовам со стороны западного глобализационного проекта, наподобие Китая, Венесуэлы, Белоруссии, Ирана, Вьетнама и ряда других, смогли выиграть за счет включенности в процессы глобализации. А подавляющее большинство незападных государств, по-прежнему не сумевших осознать особенности реализации западного глобализационного проекта, терпят от глобализации убытки.

Не менее важной тактикой западных глобалистов являются заверения, что наиболее эффективно в глобальной рыночной экономике малое или среднее предприятие. К сожалению, это вовсе не так, о чем объективно свидетельствует постоянный рост количества западных ТНК в мире. Причины популярности ТНК как формы хозяйствования заключаются в следующем: «расчеты показывают, что производительность труда на 100 крупнейших корпорациях США в среднем на 82 % выше, чем на остальных предприятиях страны. Таким образом, масштабная экспансия крупного бизнеса сопровождается существенным преимуществом в эффективности производства, которое в конечном счете воплощается в экономии на производственных издержках». В свое время «российские власти совершили стратегическую ошибку, пойдя на приватизацию и разукрупнение крупных монополий. Между тем в России наблюдается та же экономическая закономерность: крупные хозяйственные структуры более эффективны и конкурентоспособны, чем мелкие и средние» [4, 106–126].

Смежной с ней является тактика, призванная убедить, что промышленное производство бесперспективно и от него надо отказываться, замещая сферой услуг. Но проблема в том, что для бурного развития мелкого и среднего бизнеса, доминирующего в сфере услуг, в большинстве незападных стран также нет серьезных оснований, в том числе и в связи с национальными особенностями потребления услуг и традициями. На настоящий момент уровень жизни в США по паритету покупательной способности в четыре раза выше, чем в лидерах СНГ по экономическому росту — России, Белоруссии и Казахстане. Представитель среднего класса (к которому относятся 50–60 % населения) в США с готовностью платит специализированному свадебному агентству 60–100 тыс. долларов за организацию свадьбы по высшим стандартам. Тысячи свадебных агентств в стране функциони-

руют в этой нише, являясь важной частью сферы услуг. А сколько агентств, оказывающих подобного рода услуги, выживет на просторах России, Белоруссии и Казахстана, даже если они будут брать с потребителей денег в четыре раза меньше, чем в США? Немного, потому что у среднего класса в странах СНГ нет традиции привлечения свадебных агентств для организации свадеб, да и сам средний класс в данных странах намного беднее и малочисленнее, чем в США.

Схожая ситуация характерна для многих отраслей сферы услуг, которые формируют важную часть национального продукта западных стран. Потому что в них самих вначале на волне роста индустриализации сформировался слой потребителей, способных оплачивать услуги, затем были заложены традиции, поощряющие траты в сфере услуг и уже только потом сектор сферы услуг стал доминирующим в экономике, а малые и средние предприятия стали производить почти половину ВВП.

Немаловажную роль для уверенного развития сферы услуг имеют в США и траты более 3 млн миллионеров (1 % населения). Даже в России, население которой всего в два с небольшим раза меньше, чем в США, миллионеров не более 130 тыс. (0,09 %). Намного ниже процент миллионеров в Казахстане и Белоруссии, в первом — из-за скудости потенциальных объектов для «приватизации», покупка которых за мизерную цену служила основным источником роста числа миллионеров в странах СНГ, а во второй — из-за курса на борьбу с коррупцией, пресекающего чрезмерный рост числа миллионеров во избежание обнищания основных слоев населения и разворовывания государственного имущества. Излишне говорить, что во времена, когда риторика подавления промышленного сектора во имя развития сферы услуг была особенно навязчивой (1990-е гг.), количество миллионеров во всех трех странах было мизерным, а советский средний класс трансформировался преимущественно в нищих, серьезно обеспокоенных за свое будущее граждан, не склонных и не способных к потреблению новых видов услуг. В силу этого сфера услуг никак не могла стать доминирующей частью экономики.

Но в призывы глобалистов многие верили — не желая считаться с объективными фактами. Свои реальные последствия эта вера нашла в парадоксальной ситуации конца 1990-х, когда крошечная по сравнению с российской экономика Белоруссии смогла завалить российские рынки тракторами, холодильниками, грузовиками, телевизорами, как будто в самой России никогда не было таких производств. Были, но оказались недееспособными, перепрофилированными на выпуск неконкурентоспособной продукции, проданными за гроши иностранным «инвесторам», закрывающим купленные российские предприятия, чтобы не было конкуренции для их предприятий в других странах. Практика показала, что деиндустриализация России ни в коей мере не способствовала росту ВВП за счет роста сферы услуг.

Еще одной тактикой западных глобалистов являются заверения лидеров и элит незападных стран, что существующий в национальных экономиках ВПК утратил свое прежнее значение, тормозит экономическое развитие и должен последовательно демонтироваться. Как отмечает М. Аджуб, «выдвигается аргумент, что вопросы безопасности, которые доминировали в мире, центрированном на государстве, не должны больше занимать почетное место в дискуссиях о международной системе». Такая постановка вопроса «основывается на предположении, что привилегированная позиция, занимаемая государствами на арене международных отношений, драматически уменьшилась в результате глобализации» [25, 10]. В

соответствии с этой теорией экспертами западных стран, приглашенными для помощи в модернизации экономики незападных стран, обычно даются рекомендации по сокращению сектора национального ВПК и расходов на национальную безопасность. Профессор Московского государственного областного университета В. В. Журавлев отмечает, что «модный сегодня неолиберальный тезис, ориентирующий на достижение экономической эффективности в решении вопросов безопасности, является тезисом опасным, подменяющим проблему результативности указанного сектора вопросами элементарной финансовой, бюджетной экономии. Экономия на безопасности страны — дорогое и в конечном итоге “нерентабельное” удовольствие» [10, 47].

Практическое воплощение разумной точки зрения западной политики по этому вопросу можно найти в растущих расходах на безопасность в США, сделавших ВПК фактически одним из наиболее важных и доходных приводных ремней американской экономики. ВПК является источником технологий для гражданских отраслей, стимулирующих развитие экономики, способствует увеличению экспортного потенциала, служит островком стабильности, спасающим экономику от сползания в кризис за счет того, что эта отрасль располагает гарантированными многолетними госзаказами.

Эксперт из расположенной на периферии страны, уверовавший в уход национального государства с международной арены и увлеченно обсуждающий все преимущества новых глобальных технологий, часто не в состоянии заметить, как его страна становится придатком по-прежнему ничуть не менее эффективного государственного аппарата США, а уничтожение или конверсия местных военных производств по рекомендациям западных экспертов в скором времени повлечет массовые закупки вооружений у ведущих западных корпораций, потому что мир отнюдь не становится более безопасным с ходом глобализации.

Уверения западных глобалистов некритично воспринимаются в качестве истины лидерами и элитами многих стран, доверчиво включающихся в майнстрим «современнейшей» интеллектуальной мысли, презируя свою провинциальную отсталость. Именно такая операция была однажды проделана как с Россией при Б. Н. Ельцине, так и с членами бывшего социалистического блока. Прежние рынки сбыта военной продукции производителей этих стран были надолго заняты западными производителями. Ю. Чэнь отмечает: «Анализ современной военно-политической обстановки в мире позволяет сделать вывод, что развитие НАТО на Восток предусматривает увеличение рынка вооружений для его основных производителей: США, Франции, Германии, Израиля и т. д.» [23, 59].

Государство в ходе вовлечения страны в процессы глобализации не должно уходить из центра экономической жизни, если это вовлечение в глобализацию призвано поднять уровень жизни граждан и содействовать развитию экономики. Именно это было сделано в таких быстро разбогатевших странах, как Южная Корея, Япония, Тайвань и ряде других. Как отмечает руководитель центра сравнительной транзитологии Института международных экономических и политических исследований Р. Н. Евстигнеев, «сравнение уровня и динамики доходов и расходов расширенного госбюджета в ВВП показывает, что степень вовлеченности государства в экономический оборот в Польше, Венгрии, Чехии и Словакии значительно выше, чем в Болгарии и Румынии. А показатели инфляции и спада — неизмеримо выше в последних двух странах. Вот вам и следствие ухода государ-

ства из экономики!» [9, 1–2]. Как отмечает действительный член Российской академии естественных наук А. Г. Вишневецкий, «...отставшая страна не может догнать передовые, не прибегнув к мощному государственному протекционизму...» [6, 287].

А. Г. Квасов, проанализировав ход и итоги реформ в Чили, считает: «...многие эксперты делают вывод, что суть проблемы скорее в выборе приоритетов государственного участия в экономике, нежели собственно в величине перераспределяемой государством доли ВВП. Наихудшим вариантом, по их мнению, является радикальное сокращение государственных расходов, в первую очередь за счет тех секторов, которые и в периоды “расточительного государства” находились далеко не в лучшем состоянии (образование, здравоохранение, отрасли инфраструктуры), поскольку многие из них, как стало ясно в последнее время, служат необходимым условием устойчивого экономического роста» [12]. В. Семенов, рассматривая реформы, приведшие к стремительному взлету экономики Южной Кореи, отмечает: «Реформы начались и продолжались под руководством правительства через государственное планирование» [20, 31]. В целом при реформировании экономики в Южной Корее, Японии и Тайване характерной была «большая роль государственного присутствия в экономике» [15].

К мнению Р. Н. Евстигнеева, А. Г. Квасова и В. Семенова о важной роли государства в реализации успешной экономической политики в последние десятилетия присоединяется и директор Института экономики РАН Р. С. Гринберг, отмечая: «Везде в западном мире государственное участие в решении общественных задач имеет тенденцию к существенному росту» [7, 70]. В. М. Коллонтай указывает: «Государство всегда играло важнейшую роль в развитии хозяйства и формировании рынка, — и утверждает: — рвение, с которым неолибералы добиваются ослабления хозяйственной роли государства *других* стран, можно легко понять в контексте межгосударственного соперничества» [14, 164, 169]. Этой точки зрения придерживается и профессор Г. А. Василевич: «В литературе высказывается мнение о том, что в современных условиях традиционные функции ослабляются. Однако, на наш взгляд, и в условиях процесса глобализации государство все же сохраняет свои основные функции» [1, 15].

Профессор Дартмутского колледжа Дж. Кэмпбелл и директор Международного центра бизнеса и политики Бизнес-школы Копенгагена О. Педерсен выдвигают четыре аргумента в пользу утверждения, что воздействие неолиберализма на национальное государство преувеличено. Во-первых, они считают, что «неолиберализм менее целостен, чем часто полагается, являясь более широкой совокупностью институтов, идей и политических предписаний, из которых акторы выбирают нужное им, в зависимости от политических, экономических, исторических и институциональных условий». Во-вторых, «глубокое преувеличение утверждать, что существует широко распространенная конвергенция к общему набору неолиберальных институтов. ...Неолиберализм не столько дерегулирует экономическую активность, сколько ре-регулирует ее». В-третьих, «государства в меньшей степени утратили свои возможности с подъемом неолиберализма, чем это часто утверждается». И в-четвертых, «в противоречие тому, что говорят сторонники неолиберализма, рыночное дерегулирование вовсе не всегда приводит к более эффективному экономическому поведению...» [26, 1–8]. С ними солидаризируется Д. Хелд, утверждающий: «Национальные институты продолжают во многих государствах оказывать центральное влияние на общественную жизнь» [29, 10].

Таким образом, государство не только не должно уходить из центра экономической жизни, а должно там зримо присутствовать, организуя успешное вовлечение национальной экономики в глобальные процессы. Так, сотрудник Венгерской академии наук профессор М. Шимаи считает, что «глобализация неизбежно влечет за собой усиление роли национальных правительств во внутриэкономической сфере и во взаимодействии с внешним миром» [24, 52–58]. С ним солидаризируется ассоциированный профессор Университета Кентукки С. Робертс: «...как отметили и продемонстрировали некоторые аналитики, ряд государств стали ключевыми агентами, способствующими и даже подталкивающими процессы глобализации...» [30, 117]. По мнению профессора Массачусетского университета Д. Котца, «есть определенная историческая тенденция к возрастанию роли государства в организации и управлении трансформационным процессом». В частности, «в Японии именно государство создало многие отрасли промышленности. И если посмотреть на успешные примеры перехода к рыночной экономике в XX в., например в Южной Корее, то увидим, что государство и там играет очень активную роль...» [17, 8–14]. Схожие тенденции с неизменно успешным результатом наблюдаются и в современном Китае [13].

Надежда, что рынок все урегулирует, является более идеологическим лозунгом, чем научным фактом. Так, директор Лондонской школы экономики Э. Гидденс полагает: «Становящийся глобальный порядок не может держаться на “чистом рынке”. Рынок разделяет в такой же степени, в какой он объединяет: мир, состоящий из тысяч городов-государств, появление которого некоторые уже предсказывали, был бы нестабильным и опасным. Необходимо восстановление роли национального государства в качестве стабилизирующей силы, противовеса бесконечной фрагментации». В то же время чуть далее он фактически противоречит себе, утверждая, что «сильным государством раньше считалось то, которое было хорошо подготовлено к войне. Сегодня оно должно быть иным: страной, достаточно уверенной в себе, чтобы смириться с ограничениями своего суверенитета» [2, 436–456]. С. Окима, один из авторов японского экономического чуда, указывал: «...следует осторожно относиться к рекомендациям и советам зарубежных экспертов и консультантов... утверждение о превосходстве рыночно ориентированной экономики над централизованной — это заблуждение» [21, 21–36]. Профессор Университета Дж. Хопкинса Ф. Фукуяма, описывая характер проводимых в 1990-х гг. реформ на основе «Вашингтонского консенсуса», отмечает: «...в то время как оптимальный путь реформ должен ограничить сферу государственного влияния, увеличивая его силу... много стран... в действительности уменьшили и влияние, и силу» [22, 36].

Можно согласиться с точкой зрения Р. С. Гринберга, Р. Н. Евстигнеева, С. Робертс, М. Шимаи, Дж. Кэмпбелла, О. Педерсена, А. Г. Володина, Г. К. Широкова, Г. А. Василевича и др., что глобализация не обязательно приводит к ослаблению роли национального государства. Так, Белоруссия, все шире вовлекая свою экономику в глобальные процессы, в частности увеличивая с каждым годом транзит товаров через свою территорию, получает за счет этого все больше таможенных сборов, которые обращаются государством на решение стоящих перед ним задач. В то же время государство, которое пойдет на чрезмерное уменьшение таможенных сборов в такой ситуации, поддавшись на лоббирование со стороны перевозчиков, действительно ослабнет, лишившись важных источников поступления в свой бюджет.

Рост информационных потоков через национальные границы приводит к увеличению полезных для экономики коммерческих контактов, а задача государства — проследить, чтобы эти контакты способствовали росту экономики, а не приводили к упадку. Экономическое взаимодействие с Западом может привести к резкому увеличению экспорта, если государство проводит политику развития экспортно-ориентированных отраслей экономики и защиты внутреннего рынка, а может привести и к краху национальной экономики, разоренной дешевым импортом. Рост политических контактов через национальные границы может обеспечить усиление позиции государства на международной арене за счет приобретения новых влиятельных союзников, но может и спровоцировать увеличение потенциала несистемной оппозиции, если государство позволяет враждебным к нему силам чувствовать себя на его территории как дома. Таким образом, глобализация не уменьшает директивно значение национального государства, — она предоставляет более широкий спектр выбора возможных вариантов его поведения, давая политическому руководству разнообразные возможности по усилению государственного влияния в отдельных сферах и уменьшению в других.

В сегодняшней ситуации умело внушенных иллюзий об отмирании роли государства в экономике незападных стран закономерно увеличивается влияние государственных структур стран Запада. Посредством тысяч советников, международных структур, наподобие МВФ, ВТО и ВБ, базирующихся в странах Запада ТНК, они стремятся нарастить возможности политического и экономического влияния на ситуацию в мире. Единственным противовесом центру остаются страны, никогда не поддававшиеся полностью идеологическому обаянию доктрин неолиберализма, наподобие Китая, Индии, Вьетнама, Белоруссии, и страны, сбрасывающие путы неолиберализма из-за экономических проблем, которые он им принес, — наподобие России и Венесуэлы. Опыт Китая свидетельствует о возможности манипулирования даже таким важным средством западного глобализационного проекта, как международные экономические организации, с целью реализации собственного китайского глобализационного проекта.

В силу добровольного ухода из экономической сферы государство закономерно утрачивает и часть политических полномочий, поскольку сокращение контроля над финансами и деятельностью иностранных экономических агентов на рынке приводит к подавлению национального капитала и национального производства, являющихся естественной опорой любого национального государства. А попытки контролировать пришедших им на смену иностранцев малопродуктивны: им ничего не мешает переместить свои предприятия в другие страны. Можно заключить, что рекомендации о выводе государства из контроля над экономической сферой предназначены глобалистами на экспорт. В собственных странах они руководствуются другими принципами.

Таким образом, западный глобализационный проект предусматривает внушение руководителям и элитам незападных государств ряда не соответствующих реальному положению дел экономических мифов о глобализации:

- 1) о неуправляемости глобализации;
- 2) о необходимости радикального сокращения ВПК;
- 3) о необходимости разукрупнения больших предприятий в силу их декларируемой неэффективности;
- 4) о приоритете развития сферы услуг за счет других сфер экономики;

5) о «всецело» рыночном регулировании процессов глобализации в западных странах, чему надлежит подражать и незападным странам.

1. *Василевич Г. А.* Процессы глобализации и конституционные факторы безопасности белорусского государства // Проблемы управления. 2006. № 4.
2. *Гидденс Э.* Навстречу глобальному веку // Отечеств. зап. 2002. № 6.
3. *Дахин А.* Альтернативные метафоры глобализации // Космополис. Осень 2003. № 3 (5). URL: <http://www.rami.ru/cosmopolis/archives/5/dachin.html>
4. *Балацкий Е. В., Коньшев В. А.* Глобализация мировой экономики и «корпоративная модель» формирования государственного сектора // Общество и экономика. 2003. № 9.
5. *Бауман З.* Национальное государство — что дальше (фрагмент)? // Отечеств. зап. 2002. № 6.
6. *Вишневский А. Г.* Модернизация и контрмодернизация: чья возьмет? // Куда пришла Россия?..: Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. М., 2003.
7. *Гринберг Р. С.* Социальная экономика: страсти вокруг прилагательного // Социально-политические процессы и экономическое состояние России: материалы науч. семинара / науч. ред. С. С. Сулакшин. М., 2005. Вып. 4.
8. *Дудик В. Ф., Кизима С. А.* Политика Республики Беларусь в Северо-Восточной Азии (начало XXI в.). Брест, 2008.
9. *Евстигнеев Р. Н.* Российская экономическая реформа и международный опыт // Социолог. журн. 1997. № 1–2.
10. *Журавлев В. В.* Место и роль государственной безопасности в «секторе безопасности» России: исторический экскурс // Социально-политические процессы и экономическое состояние России: материалы науч. семинара / науч. ред. С. С. Сулакшин. Вып. 4.
11. *Интрилигейтор М.* Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 6.
12. *Квасов А. Г.* Чилийские экономические реформы / Моск. обществ. науч. фонд. М., 2006. (Сер. «Научные доклады»). URL: http://management.edu.ru/db/msg/279395/ChILIJSKIJ_OPYT_I_FORMIROVANIE_EDINOJ_LATINOAMERIKANSKOJ_MOX85.pdf.html
13. *Крамер К., Дедрик Д.* Рождение дракона: компьютерная отрасль Китая // Открытые системы. 2002. № 5. URL: <http://www.osp.ru/os/2002/05/181469/>
14. *Коллонтай В. М.* Западные концепции экономической глобализации // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития / предисл. и послесл. М. С. Горбачева. М., 2003.
15. *Кудров В.* Творческое осмысление мирохозяйственной эволюции // Мировая экономика и международ. отношения. 2006. № 9.
16. *Локосов В. В.* Трансформация национальной государственности как глобальный вызов // Россия: новые цели и приоритеты. М., 2006.
17. *Макинтайр Р., Котц Д., Розенберг Д.* Что такое современный рынок? (встреча в редакции с американскими экономистами) // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 6.
18. *Перская В. В.* Глобализация и государство. М., 2005.
19. *Рублев Г. В.* Основные тенденции социально-экономического устройства современного миропорядка // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. 2004. № 6. (Гуманитарные науки).
20. *Семенов В.* Опыт Южной Кореи: влияние конфликта и порядка на реформы // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 6.
21. *Сенчагов В. К.* Глобализация: позиция России // ЭКО: Экономика и организация промышленного производства: Всерос. эконом. журн. 2002. № 2.
22. *Фукуяма Ф.* Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке : [пер. с англ.]. М., 2006.
23. *Чэнь Ю.* Реальности и перспективы сотрудничества. Китай и Россия в современном мире // Свободная мысль. 2006. № 3.
24. *Шимаи М.* Глобализация как источник конкуренции, конфликтов и возможностей // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 1.
25. *Аюоб М.* Security in the age of globalization: separating appearance from reality //

Globalization, security, and the nation-state: paradigms in transition / ed. by E. Aydinli, J. N. Rosenau. Albany, 2005.

26. *Campbell J. L., Pedersen O. K.* The rise of neoliberalism and institutional analysis // The rise of neoliberalism and institutional analysis / ed. by J. L. Campbell & O. K. Pedersen. Princeton, 2001.

27. *Friedman T. L.* The Lexus and the olive tree: understanding globalization. N. Y., 2000.

28. *Guigio W.* The impact of globalization on state sovereignty // Chinese J. of International Law. 2004. Vol. 3, № 2.

29. *Held D.* National culture, the globalization of communications and the bounded political community // Logos. Summer 2002. Vol. 1, iss. 3.

30. *Roberts S. M.* Geo-governance in trade and finance and political geographies of dissent // An unruly world?: globalization, governance, and geography / ed. by A. Herod [and others]. L. ; N. Y., 1998.

31. *Robinson W. I.* A theory of global capitalism: production class, and state in a transnational world. Baltimore, 2004.

Рукопись поступила в редакцию 6 мая 2008 г.

УДК 378.31+339.13.017

Е. Л. Могильчак

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РЫНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена социологическому анализу рынка услуг высшего образования. Автором исследуются типы несовершенства этого рынка и основные субъекты интересов на нем. Представлены результаты эмпирического исследования 2500 студентов. Опрос проведен во Владивостоке, Екатеринбурге, Кемерово, Казани и Ульяновске.

Ключевые слова: рынок, несовершенство рынка, высшее образование; образовательная услуга, студенты.

Последние десять лет в российской системе высшего образования наблюдается быстрый рост целого ряда показателей — прежде всего числа высших учебных заведений и обучающихся в них студентов. Особенно быстро развивается система высшего негосударственного образования, а в государственных вузах в связи со снижением числа бюджетных мест растет доля занимающихся на *платной* основе.

Все перечисленные тенденции обусловлены прежде всего усилением действия *рыночных* регуляторов деятельности как студентов, так и высших учебных заведений. Высокий *спрос* на высшее образование стимулирует все расширяющееся *предложение*. Институт высшего образования начинает утрачивать свою независимость от норм и ценностей, функционирующих в рамках института рынка. В результате формируются устойчивые установки и практики, соответствующие рыночным целям и задачам.

Можно говорить о наличии трех основных субъектов интересов в сфере производства и потребления услуг высшего образования:

- 1) высшие учебные заведения;
- 2) потребители образовательных услуг высших учебных заведений;
- 3) государственные органы, регулирующие деятельность вузов.